

МЕДИЦИНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ (воспоминания участника войны)

А. Ногаллер, доктор медицинских наук, профессор
E-mail: a.nogaller@mail.ru

Приводятся воспоминания А.М. Ногаллера о его работе во фронтовом госпитале в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: медицинская помощь, Великая Отечественная война.

О героизме советских воинов, единстве и патриотизме народа, о благородном труде медицинских работников во время Великой Отечественной войны написано немало. Есть что вспомнить и мне...

Как-то раз в канун праздника Дня Победы меня пригласили в одну из рязанских школ поделиться воспоминаниями о войне. Я был, естественно, при всех орденах и медалях. Один мальчик спросил меня, за что я получил свои ордена. Я ответил: орден Красной Звезды – за боевую операцию по освобождению столицы Польши Варшавы, орден Отечественной войны II степени – за взятие Берлина.

«А что именно Вы сделали?» – поинтересовался мальчуган. Я ответил, что просто хорошо лечил раненых и больных в госпитале. Прошло уже много лет, но глубокое разочарование, отразившееся на лице моего маленького собеседника, я помню до сих пор. По его представлениям, сложившимся по кинофильмам и телепередачам, подвигом является какой-либо особый героический поступок. А тут пришедший ветеран из пушки не стрелял, бомбы с самолета не бросал, ни одного немца не убил, и все же был награжден орденами и медалями. Какой же это героизм – лечить раненых?!

И все эти годы я невольно продолжаю разговор с тем мальчуганом и с тысячами его теперешних сверстников – не для собственного, конечно, возвеличивания, а чтобы передать им, в чем был каждодневный героизм военных медиков, вносивших свой вклад в нашу общую победу.

После войны начальник военно-медицинского управления Армии генерал Ефим Иванович Смирнов писал, что благодаря героическому труду военных медиков около 80% раненых были возвращены в строй или к трудовой деятельности. Об одном из них я писал в книге «Фрагменты XX столетия» (Рязань, 2002): этот тяжело раненный в позвоночник юноша был спасен, сумел после войны окончить институт, защитить кандидатскую диссертацию и стал доцентом кафедры философии университета.

О высокой оценке правительством подвига военных медиков может свидетельствовать выписка из архива наградного отдела Министерства обороны СССР. Она подтверждает что орден Отечественной войны II степени получил капитан медицинской службы Ногаллер Александр Михайлович – начальник госпитального отделения 180-го хирургического полевого подвижного госпиталя (ХППГ) 2-й Гвардейской танковой армии. «За последнюю операцию он принял, обслужил и эвакуировал более 2,5 тыс. раненых... Хорошо ор-

ганизованным уходом, медицинским обслуживанием и надлежащим рациональным питанием и лечением спас жизни многим раненым. Без устали, день и ночь проводил у постели раненых».

За боевые операции по освобождению Украины и Польши я получил орден Красной Звезды; в наградном листе отмечалось: «В связи с быстрым продвижением танковой армии на Запад в деревне Жабинка (март–апрель 1944 года) был оставлен филиал госпиталя, в котором под наблюдением капитана Ногаллера находились 260 тяжелых нетранспортабельных раненых. Ввиду отсутствия каких-либо транспортных средств тов. Ногаллер прошел пешком до ближайшей железнодорожной станции десятки километров, связался с санотделом фронта. После этого был выслан специальный санитарный поезд, в который из деревни на носилках доставили раненых. Капитан Ногаллер лично сопровождал раненных и передал их во фронтовой госпиталь».

Потом, в связи с 40-летием Победы мне, как и всем участникам войны, был вручен орден Отечественной войны II степени. Есть еще много боевых и юбилейных медалей, в том числе «За оборону Москвы» и, наконец, «За взятие Берлина».

А начинался мой путь военного медика в октябре 1941 г., когда я прибыл из резервного пункта Москвы в находящийся недалеко от столицы 703-й легкий артиллерийский полк на должность старшего врача полка. Мне выдали военное обмундирование, комиссар полка научил, как правильно намазывать портянки.

Главной задачей полка, вскоре преобразованного в истребительный противотанковый артиллерийский полк резерва главного командования, было уничтожать наступавшие по Можайскому и Минскому шоссе вражеские танки. Всю необходимую медицинскую помощь оказывал полковой медицинский пункт – ПМП. В его составе были: один врач (это – я), фельдшер Юдин, санинструктор Мазнев, санитар и водитель нашей санитарной машины. Вне боевых операций медсанчасть полка проводила санитарно-профилактическую работу, в наши обязанности входили организация мытья бойцов, контроль работы кухни и питания, приготовление и раздача настоев хвои для профилактики цинги, оказание первой медицинской помощи. Помню, с какой гордостью мы открыли в деревне свой первый медицинский пункт и при входе в избу вывесили флаг с красным крестом. Начали поступать раненые и больные – пешком, на повозках или попутных машинах. Мы оказывали первую помощь – накладывали повязки, шины, вводили противостолбнячную сыворотку, многим для профилактики травматического шока давали по 100 г водки или разведенного спирта. Часто раненые, выходящие из окружения в районах Смоленска и Вязьмы, были обморожены, простужены и одеты еще по-летнему. Большие трудности были с отправкой раненых в тыл. Ходячих отправляли пешком до ближайшего ПМП пехотного полка, других отправляли на попутках, едущих в тыл.

Под натиском превосходящих сил противника наши войска вынуждены были с упорными боями отступать в сторону столицы. Орудия нашего полка били прямой наводкой по фашистским танкам, продвигавшимся вдоль шоссе. Противотанковых орудий и противотанковых ружей не хватало. Нередко пехотинцы поджигали наступавшие танки, бросая в них бутылки с зажигательной смесью (впоследствии западные журналисты стали их называть «коктейлем Молотова»). Не

только в кино, но и в жизни было множество героических поступков, когда бойцы, имена которых часто оставались неизвестны потомкам, жертвовали жизнью, чтобы не пропустить врага к столице. Они бросались под танки со связками гранат в руке или обвязывали себя гранатами и погибали вместе с горящим танком.

Несмотря на наше героическое сопротивление, наступление немцев продолжалось. Наш полк в конце октября 1941 г. отошел из района Дорохово под Можайском к станции Кубинка (сегодня электричка идет до нее от Белорусского вокзала всего 30 мин). О первом бое полка рассказывал позднее его командир В.Н. Иванов. Наши артиллеристы уничтожили в общей сложности 12 фашистских танков, потеряв при этом 9 орудий и почти половину личного состава полка. За отступление и большие потери командира полка хотели судить, велось следствие... Но когда разобрались, его полностью оправдали, а к концу войны даже присвоили звание Героя Советского Союза. Как говорится, пути Господни неисповедимы.

Вспоминается 7 ноября 1941 г., когда в Москве был, как всегда, военный парад, а к нам на фронт прибыли подарки из тыла: теплая одежда, конфеты, вино и другие праздничные подарки, напомнившие о доме и мирной жизни. Через много лет выяснилось, что это позаботились шефы нашего полка — текстильный комбинат им. Щербакова, который еще несколько десятилетий после победы организовывал встречи наших однополчан.

Шестого декабря 1941 г. Совинформбюро сообщило о начале контрнаступления наших войск. По всей огромной линии фронта, но преимущественно с флангов, полуокружавших Москву, началась артиллерийская подготовка, усилились налеты нашей авиации на вражеские позиции, а затем вперед пошли пехотные части. Немцы вынуждены были отступать, хотя и очень медленно, после тяжелых боев.

К февралю 1942 г. наш полк вместе с советскими войсками достиг станции Уваровка (относительно крупный железнодорожный узел), недалеко от Гжатска — ныне г. Гагарин. Никогда не забудется ожесточенный налет вражеской авиации на эту станцию и селение. Много часов подряд немцы почти непрерывно бомбили наши позиции. Приходилось оказывать первую помощь прямо на улице. У меня на руках погиб командир роты разведчиков Ковалев, студент из Ленинграда, которого война вырвала из института. У него были тяжелое проникающее ранение в таз; были повреждены кишки. Они вывалились наружу, смешались кровь, снег, земля. Он лишь прошептал: «Доктор, спаси». Я успел наложить повязку, но он тут же умер у меня на руках. До сих пор я вижу его застывшие глаза, еще накануне светившиеся радостью жизни. Первая наша с ним встреча произошла в деревне Чапаевка. За несколько недель до этого наша санчасть заняла избу, в которой раньше размещалась разведрота. Там мы нашли «идеальную лампу» — гильзу от большого снаряда, в которую был вставлен фитиль и налит бензин. Мы очень обрадовались находке, заменив свою маленькую гильзу-лампу. Однако вскоре вернулся Ковалев за своей лампой. Мне удалось уговорить его подарить медикам такой ценный для нас в те времена источник света. Ни раз потом мы вспоминали Ковалева за этот его поистине «королевский» подарок, а вот спасти ему жизнь не удалось.

В 2010 г. я поместил в Интернет-журнале статью о битве за Москву. И вскоре получил электронное письмо от дочери погибшего Владимира Ковалева — Людмилы, родившейся за 2 года до его гибели. У нас установились дружеские отноше-

ния, вначале переписка, телефонные разговоры, а затем и личная встреча в День Победы. Вместе с сыном Владиславом Людмила посетила могилу отца в Уваровке, где создан военно-исторический музей. Наша дружба с Людмилой Ковалевой продолжается и поныне.

Однажды мы расположились с санчастью в лесу, в небольшой яме. Накрыли ее срубленными стволами деревьев, ветками, и это стало нашим прибежищем зимой. Конечно, не настоящая «землянка в три наката», но построить вчетвером полноценный блиндаж было не по силам. Как-то при артиллерийском обстреле один из снарядов взорвался в непосредственной близости от нашей землянки. К счастью, это не было прямым попаданием, но все же бревна обрушились, одно из них ударило меня по голове. Контузия была довольно легкой, хотя я несколько дней плохо слышал, ощущал головокружение и тошноту, но на такие пустяки тогда не принято было обращать внимание. Потом я даже забыл об этом происшествии, но через 10–12 лет стали появляться приступы с судорогами и кратковременной потерей сознания. Через полвека мне оформили инвалидность как последствие контузии военных лет; небольшая вмятина и шрам на лбу от удара бревном у меня остались на всю жизнь.

После лечения в госпитале (экссудативный плеврит) я попал в медсанбат 29-й армии на должность врача-терапевта госпитального взвода. Как мне рассказывал впоследствии бухгалтер медсанбата Б.Н. Головизников, командир медсанбата на моем предписании наложил резолюцию: «Принять. Теоретически у меня есть терапевт, практически его нет». По существу он был прав, ибо врачебный мой стаж (служба в полку) после окончания института был меньше 1 года — не мог же знать тогда командир медсанбата, что после войны я буду 39 лет руководить терапевтической кафедрой в медицинском институте. Медсанбат располагался в лесу, в палатках, но по сравнению с передовой линией фронта и условиями в полку мне показалось, что я попал в рай: кровати, простыни, полотенца, по вечерам медсестры распевали душевные песни из другого, еще мирного времени.

В палатках были развернуты приемное отделение, операционная и перевязочная, палаты для поступающих раненых. В основном среди госпитализированных были или очень тяжелые раненые, которых нельзя сразу же отправить в тыл, или раненые в первые дни после полостных операций, тоже нетранспортабельные. Как-то у меня в палатах оказалось одновременно несколько человек с проникающими ранениями грудной клетки, осложнившимися гемо- или пневмотораксом (скопление крови или воздуха в плевральной области), и был запланирован мой доклад на конференции. Однако она не успела пройти — поступило распоряжение передислоцироваться. Опять поступило много раненых; стало не до конференций. Я хотел забросить записи, но потом решил продолжать свои выписки, еще не предполагая тогда, что эти краткие записи послужат основой будущей кандидатской диссертации.

По приказу командования Западного фронта наш медсанбат, формирование которого в качестве хирургического госпиталя к тому времени завершилось, передали из 29-й армии во вновь сформированную 2-ю танковую, в дальнейшем ставшую гвардейской. Когда я проезжал через Москву, ко мне присоединилась жена, Мирра Медовая, провожавшая меня до воинского эшелона. Начальник госпиталя Николай Григорьевич Челышев предложил ей остаться в ар-

мейском полевом госпитале (была вакансия, а жена имела солидный опыт работы хирургом в клинике Бурденко в 1-м Московском медицинском институте). Мирра согласилась, только попросила на работу и сказала, что уезжает на фронт. Конечно, с ее стороны это был подвиг — уехать на фронт из Москвы, которая к 1943 г. была уже в тылу и почти не подвергалась бомбардировкам.

Наш госпиталь получил задание развернуться в селе Извеково Курской области. По дороге туда разыгралась пурга, пришлось вручную лопатами расчищать путь машинам. В конце концов грузовики застряли и, взяв самое необходимое, мы решили идти дальше пешком. Отобрали перевязочный материал, инструментарий, шины, средства для наркоза, обезболивающие. До пункта назначения с тяжелым грузом шли больше 8 км. Добравшись до деревни, мы обнаружили лишь несколько оставшихся домов — остальные были разрушены или сожжены при отступлении. Срочно стали разгребать снег, устанавливая палатки, в первую очередь для операционной. Пурга прекратилась, и на следующий день прибыли грузовики с остальным имуществом. Вместе с помощниками — сестрами, санитарями — мы укрепили на расчищенной от снега земле палатки для раненых, вместо печки использовали бочку из-под бензина, на брезентовый пол настелили солому. Поток раненых все увеличивался — они поступали днем и ночью, на повозках, машинах, пешком, а раз раненого командира привезли даже на танке.

В мою обязанность входило, прежде всего, сортировать поступающих раненых: кого — сразу в операционную, кого — отправлять дальше в тыл, но осуществить это было очень трудно из-за возникшей угрозы окружения. Скапливалось до 600–800 человек. Мест в палатках уже не хватало. Умерших тут же выносили: трупы складывали на окраине палаточного городка. Штатным санитарам помогали и легкораненые из так называемой команды выздоравливающих.

Почти ежедневно я оперировал. Научился не только проводить первичную обработку ран, но и самостоятельно ампутировать конечности, оперировать ранения грудной клетки, живота, удалять осколки при ранении мягких тканей. Мы работали и днем и ночью, забывая о еде и сне, передохнув нередко прямо на полу в операционной. Работа была тяжелой не только физически, но и морально: громадных усилий требовало постоянное общение с человеческими страданиями, болью, муками. Не забыть, как один раненый пришел самостоятельно в госпиталь, поддерживая рукой выпадающие через рану живота внутренности.

Мороз, вьюга, бездорожье оторвали от нас 2-й эшелон армии. Враг ожесточенно бомбил все дороги, по многу часов длились авиационные налеты в районе госпиталя. Однако и во время бомбардировок медики ни на минуту не прекращали помощи раненым. Вскоре стала ощущаться нехватка медикаментов, перевязочного материала, продуктов питания. Доставка их из-за метелей и заносов затруднялась. Появилась завшивленность. Помню, захожу я в операционную, а старший хирург Тетерин говорит мне: «Посмотри, рубашка сама движется». Действительно, от обилия вшей на снятой с раненого рубашке создавалось впечатление, что она сама перемещается по скамье.

В этих условиях появились миксты — раненые, заболевшие еще и сыпным тифом. Заболеть стали и работники госпиталя. Несколько дней крепилась операционная сестра Мария Додонова и, несмотря на лихорадку, продолжала стоять у операционного стола. Но в конце концов болезнь свалила ее;

состояние быстро ухудшилось, развилась сердечная недостаточность, и вскоре она скончалась.

Весной 1943 г. бои на нашем участке фронта затихли. Фашистам не удалось замкнуть кольцо вокруг наших вклинившихся частей, хотя и наши войска не смогли разомкнуть «клещи». Постепенно связь с тылом нашего полуокруженного участка фронта улучшилась, удалось эвакуировать большинство раненых, налажилось снабжение госпиталя. Меня направили работать в инфекционный госпиталь, где скопилось много больных брюшным и сыпным тифом, дизентерией, туляремией. Когда вспышку эпидемий удалось ликвидировать, примерно через месяц, меня отпустили в свой родной 180-й ХППГ.

Июль 1943 г. запомнился жарким летом и широко известной танковой битвой на Курской дуге. Вначале госпиталь наш оставался в Извеково, затем передислоцировался ближе к фронту, располагаясь в сохранившихся перелесках. Было не до удобств, нередко убежищем на ночь нам служили две собственные плащ-палатки, натянутые на колья или привязанные к деревьям. Спустя 40 лет после окончания войны, в 1985 г., мне довелось побывать в этих краях, посетить мемориал-кладбище наших бойцов, отдавших жизнь за эту победу. В Курске организован большой музей, посвященный этому танковому сражению, большой раздел в нем отведен 2-й танковой армии.

После успешной Корсунь-Шевченковской операции наступление наших войск продолжалось, танковые колонны ушли вперед на 200–300 км. Чтобы бесперебойно обеспечивать медицинскую помощь, немногочисленному коллективу нашего госпиталя (5 врачей и 16 медсестер) пришлось разбиться на группы и следовать за передовыми частями. Каждая группа организовывала свой медпункт, оказывала неотложную и оперативную помощь. С тяжелыми нетранспортабельными ранеными оставался 1 врач с группой медсестер, остальные продвигались дальше на запад, где организовывали новые медицинские пункты.

Так, растянувшись на сотни километров, госпиталь оказывал максимально приближенную к боевым действиям медицинскую помощь. Эвакуировать раненых, располагаясь вдали от больших дорог и не имея собственного транспорта, было непросто, тем более что в ближайших селах не осталось ни машин, ни лошадей. Помогали уцелевшие местные жители. Женщины и подростки доставляли носилки с ранеными к проходившей в 5 км от нашего госпиталя узкоколейке, которую специально восстановили. Доставка раненых до железнодорожного пути заняла несколько суток, потом дряхлый паровозик с разбитыми вагончиками довез их до ближайшего госпиталя (30 км), на это понадобилось еще 4 дня, так как паровозик непрерывно ломался и больше стоял, чем двигался. Местные жители помогали нам и с питанием раненых, и в уюде за ними.

Телефонной связи у нас не было, и неожиданно прибывший эшелон, тем более из другой армии, в госпитале встретили без энтузиазма. Точнее, вначале вообще отказались принимать наших раненых, заявив, чтобы их везли дальше. Хорошо, что замполит госпиталя по фамилии Гроза, очень деловая и боевая женщина, сумела добиться, пригрозив начальству госпиталя, чтобы раненых все же приняли.

Догнать свою часть удалось на танках, которые шли в качестве подкрепления в нашу армию. Ехать на знаменитых Т-34, сзади башни, было очень удобно — тряски не чувствовалось, от мотора исходило приятное тепло, не надо было тащить на себе медикаменты, инструментарий и личные вещи.

Когда враг заметил движение танков и началась бомбардировка, пришлось прятаться в ближайших укрытиях — канавах. А в небе завязался воздушный бой между нашими истребителями и фашистскими бомбардировщиками. Один вражеский самолет был подбит и упал, объятый пламенем. Правда, пострадал один наш танк, а командир взвода был тяжело ранен. Мы перевязали пострадавшего, но его состояние оставалось тяжелым. Было необходимо переливание крови, но у нас ее не было — имелись лишь шприцы, противостолбнячная сыворотка, ампулы с морфием и немного перевязочного материала. Выручило, что у меня была первая группа крови (ее можно переливать всем). Моя жена, доктор Медовая, произвела прямое переливание крови, т.е. 20-миллиметровым шприцем брала у меня кровь из вены и тут же вводила ее в вену раненому. Эта процедура повторялась несколько раз. После введения первых же 100 мл удалось остановить кровотечение, состояние пострадавшего улучшилось. Вот тогда командир колонны подполковник Савельев не пожалел, что взял «медицину» с собой, а один из танков в качестве медицинской машины отправил с ранеными в тыл, искать ближайший госпиталь.

Отличительной особенностью танковой армии была высокая маневренность, быстрое ее передвижение с одного участка фронта на другой. Но поскольку одни танки, без пехоты, не могут удерживать захваченные позиции, в составе танковой армии были и мотострелковые бригады. Все это определяло своеобразие организации здесь медицинской службы (в отличие от пехотных дивизий). Вместо полковых медпунктов в танковых корпусах и бригадах были медсанчасти, которые оказывали в большем объеме первую врачебную помощь: обработку обожженной поверхности, противошоковые мероприятия, первичную обработку ран, шинирование поврежденных конечностей и т.д. У танкистов преобладали тяжелые ранения, часто с большими ожогами. С одной стороны, в танковой армии было неплохо с транспортом, поэтому стремились тяжелораненых побыстрее отправить в полевой госпиталь. Медсанбатов в танковой армии не было, и наш 180-й ХППГ выполнял обязанности и медсанбата, и армейского госпиталя.

В нашем госпитале по штату было 2 хирургических отделения с операционными и госпитальными палатками, приемное, сортировочное и эвакуационное отделения. Между этими отделениями распределялись 5 врачей, но в зависимости от боевой обстановки, наплыва раненых мы усиливали тот или иной участок. Так, в период массового поступления раненых почти все работали в операционных, а при необходимости срочной эвакуации — на сортировке раненых по срочности эвакуации и типу ранений (в голову, полостные, в конечности).

Весной 1944 г. уволили из армии мою жену Мирру Медовую в связи с беременностью, а в июле в Москве она родила дочь Анну. Летом 1944 г. нашу 2-ю танковую армию вывели из Румынии и перебросили на 1-й Украинский фронт. Соответственно и госпитали стали погружать в товарные вагоны поездов и эшелонами отправлять к Киеву, еще оккупированному вражескими войсками. По дороге наш поезд подвергся налету фашистских бомбардировщиков, все бросилось в разные стороны, прячась в ямы и канавы. Наши истребители отогнали вражеские бомбардировщики, подбив один из них, который, пылая, упал где-то в степи, а наш поезд продолжил путь на юго-восток без каких-либо существенных потерь. А вот предыдущему эшелону, в котором проезжал терапевтический госпиталь Ноткиной, повезло

меньше — там прямым попаданием разбомбило много вагонов и пострадали немало людей.

Тяжелое впечатление осталось в памяти от Дарницы, вблизи Киева. Наступавшие наши войска, эшелоны с орудиями и танками, незадолго до нашего прибытия подверглись ожесточенной бомбардировке. Возникли пожары, взрывы, уничтожавшие все вокруг. Когда мы подъехали, еще ощущался запах дыма, валялись разбитые вагоны, искореженные рельсы и орудия, разбросанные части человеческих тел. Мне не раз приходилось видеть убитых солдат и командиров, замерзшие трупы, но такую картину уничтожения увидел я в первый и, к счастью, в последний раз.

После освобождения Киева наши войска довольно быстро продвинулись на Запад. Вслед за танковыми корпусами перемещался на грузовиках и наш госпиталь, то быстро разворачиваясь, то так же быстро свертываясь. Все уже было отработано. Для моего госпитального отделения предоставлялась грузовая машина. Мы с медицинскими сестрами и санитарями быстро погружали все наше имущество и перемещались в указанный пункт. Там быстро разгружались, устанавливали палатки или размещали носилки в сохранившихся домах и уже через 2 ч были готовы к приему раненых. После эвакуации последнего раненого так же быстро собирались и переезжали на новое место. Личного имущества почти не было: одна смена белья, кое-какая одежда, туалетные принадлежности, записи, иногда книги.

Потом было стремительное продвижение советских войск на Запад с освобождением Люблина, Познани, Варшавы, в котором принимала участие наша танковая армия.

В январе 1945 г. наступил долгожданный момент, когда наши войска вступили на территорию Германии. Вспоминается громадный плакат на переправе через пограничную с Польшей реку Нейсе с надписью: «Вот она, проклятая Германия». Это была фраза из популярной тогда статьи Ильи Эренбурга в газете «Правда». В числе первых советских войск, прорвавшихся на территорию Германии, была и наша 2-я гвардейская танковая армия. Вначале мы увидели только опустевшие деревни, по улицам которых бродили голодные коровы, беспризорные свиньи и куры. Все люди убежали или прятались, опасаясь возмездия за гитлеровские преступления.

Весной 1945 г. кровавые бои еще продолжались на вражеской территории, унося немало человеческих жизней. В госпиталь непрерывно поступали раненые. Особенно доставалось медсестрам, которые не только помогали при операциях и наркозе, переливали кровь, делали уколы, накладывали шины и гипсовые повязки, но нередко сами переносили раненых, осуществляли уход за ними — ведь от этого зависели не только самочувствие раненого, но и результативность операции. В госпитале не хватало санитаров, помогали легко раненые бойцы, а в последние месяцы войны — и освобожденные из плена французы, бельгийцы, чехи, но особенно — женщины-немки. Их вместе с детьми кормили, а они помогали в операционной, ухаживая за ранеными в палатах. Вспоминается такой забавный случай. Я оперировал и давал указания помогавшей мне немке на немецком языке. Услышав немецкую речь, раненый вдруг возмутился, заявив, что не позволит немцу оперировать себя. Пришлось его успокоить, добавив для надежности несколько крепких истинно русских слов. Помогавшие в палатах немки быстро выучили русские слова, которые часто слышали от раненых: «утку, судно, пить». А раненые стали употреблять немецкие слова: «Tür auf, Tür zu, trinken» (дверь открыть, закрыть, пить).

В конце апреля 1945 г. постепенно до многих немцев дошла бесперспективность дальнейшего сопротивления. Появились большие группы немецких солдат и офицеров, бросивших оружие и просивших взять их в плен под конвоем, чтобы кто-нибудь из советских солдат не прикончил под горячую руку. Но не все немцы были настроены сдаваться. Ожесточенные бои шли уже в предместьях Берлина, а отдельные группы вооруженных гитлеровцев пытались вырваться из окружения, уничтожая все на своем пути. При встрече с ними за 2 нед до окончания войны погиб начальник соседнего госпиталя Титов.

Наш госпиталь расположился в предместье Берлина – Бух. Там до войны были больничные корпуса, принадлежавшие Берлинскому университету им. Гумбольдта. Здесь были очень удобные условия (по сравнению с предыдущими годами) для операционной и перевязочной, для госпитального отделения.

Однако война продолжалась. Выходившая из Берлина группировка вооруженных фашистов направилась к нашему госпиталю. Всем свободным от операций было приказано проверить оружие и подготовиться к бою. Я был занят в это время эвакуацией раненых, стараясь как можно больше людей отправить в тыл. Кстати, эвакуация раненых тоже требовала определенных знаний. Так, в машины «форд» и ЗИЛ раненых надо было укладывать поперек, а в «студебеккеры» – вдоль и в 2 ряда. Учитывая опасность нападения фашистов и возможность боя непосредственно на территории госпиталя, я старался с помощью санитаров уложить раненых в машины для эвакуации как можно теснее. Раненые ворчали, мол, напихивают, как сельдей в бочки, но раскрывать им правду о надвигающейся угрозе не хотелось. К счастью, все обошлось, и вести бой медикам не пришлось.

На территории Бух находился известный медицинский Институт мозга (его возглавлял крупный невропатолог Фохт, который в свое время консультировал Ленина в связи с его повторным инсультом). Я ходил по трехэтажному зданию морфологической лаборатории, где в стеклянных банках хранились мозги умерших от различных церебральных заболеваний, вспоминал нервную клинику 1-го ММИ. В Институте мозга в Бухе в довоенное время работал крупный советский радиобиолог Н.В. Тимофеев-Ресовский, герой романа «Зубр» Да-

ниила Гранина. Тогда я о нем еще не слышал. Много лет спустя, в 1998 г., мне представилась возможность вновь побывать в Бухе. Помещения, в котором располагался наш госпиталь, я не нашел, все было застроено новыми зданиями университетских клиник, но здание Института мозга сохранилось, а на нем – мемориальная доска на русском и немецком языках о том, что здесь работал крупный ученый Тимофеев-Ресовский. Я представился врачом, работавшим здесь 55 лет назад. Меня встретили приветливо и показали лабораторию в ее теперешнем виде, потом проводили до машины, подарив литературу о медицинском городке Бух.

2 мая 1945 г. после тяжелых боев советские войска полностью освободили Берлин от фашистов. Велика была радость советских воинов, вынесших на своих плечах все тяготы ужаснейшей войны, когда объявили о капитуляции нацистской Германии. Все веселились, обнимались, стреляли в воздух. Банкетные столы стихийно появлялись на улицах и площадях Берлина, около памятников, особенно у знаменитых Бранденбургских ворот. Все стены Рейхстага были исписаны именами и фамилиями советских солдат и офицеров, дошедших до Берлина из-под Москвы, из Сибири, с Дальнего Востока, Украины, Кавказа.

В нашем госпитале тоже отметили День Победы. Горько было вспоминать друзей и товарищей, не доживших до этого светлого дня. Только в составе армейских и фронтовых медико-санитарных учреждений было около 200 тыс. врачей, более 500 тыс. фельдшеров и медсестер.

По официальным статистическим данным, медики сумели вернуть в строй более 72% раненых и 90,6% больных, спасли около 10 млн советских воинов.

Хочется надеяться, что когда-нибудь добрая воля и человеческий разум восторжествуют, прекратятся все войны, и мир воцарится во всем мире.

MEDICINE DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
(Memories of Great Patriotic War veterans)
Professor A. Noggler, MD

The author gives memories of his work at a front-line hospital during the Great Patriotic War years.

Key words: medical care, Great Patriotic War.